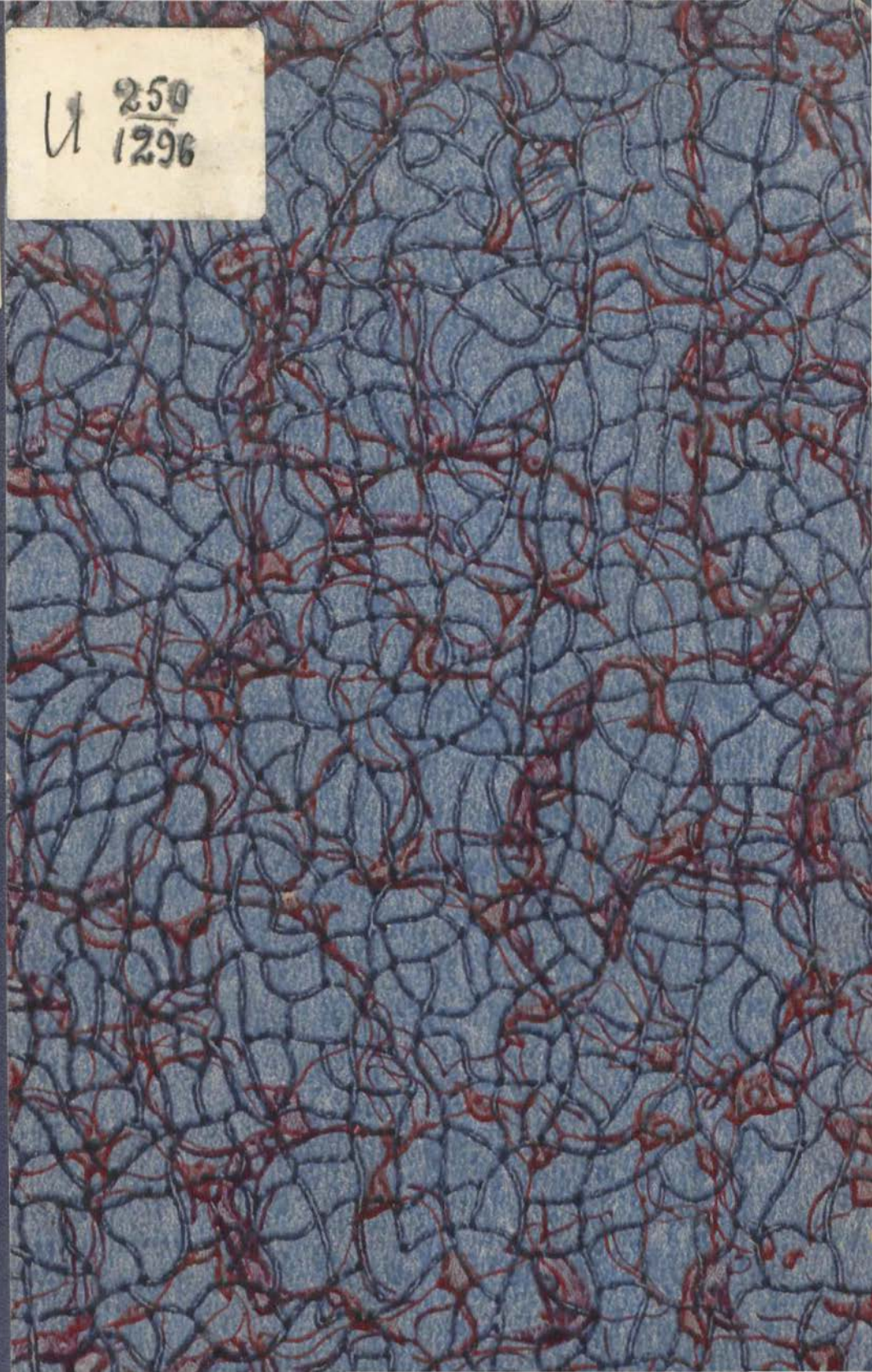

U 250
1296

12
КЪ ГОДОВЩИНЪ
„ПОСЛѢДНЯГО БѢГСТВА“
ЛЪВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО,
26 ОКТЯБРЯ 1911 ГОДА.

ТРАГЕДІЯ ДѢТСКОЙ ДУШИ

(КЪ ВОПРОСУ О САМОУБІЙСТВАХЪ
СРЕДИ ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ).

К. ТЕОДОРОВИЧЪ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЛОДЗИНСКАГО 2-ГО КОММЕРЧЕСКАГО УЧИЛИЩА.

ЛОДЗЬ. ТИП. ГРАНОВА и МАЗУРКЕВИЧА въ ЛОДЗИ. 1911.

Госуд. Книжный фонд

324/316

849400

И 250
1296

83594-50

ТРАГЕДІЯ ДЪТСКОЙ ДУШИ.

(Къ вопросу о самоубійствахъ
среди школьной молодежи).

Слѣдуетъ строго разграничивать самоубійцъ вообще отъ самоубійцъ изъ учащейся молодежи, потому что въ жизни послѣднихъ имѣли въ большинствѣ случаевъ значеніе на трагическую развязку тѣ вліянія, которыя или совершенно отсутствовали или имѣли меньшую силу въ жизни первыхъ. Учитель, школа, единица, карцеръ, все это, равно какъ и ихъ значеніе въ развитіи челоуѣка, совершенно можетъ быть неизвѣстно, или извѣстно только въ нѣкоторой степени, самоубійцѣ не ученику.

Это разграниченіе, усвоенное мною, даетъ возможность моему воображенію тѣла самоубійцъ, безвременно погибшихъ ученицъ и учениковъ, снести на отдѣльное громадное кладбище и здѣсь уложить ихъ, покрывъ зеленымъ дерномъ. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы возлѣ этого необыкновеннаго кладбища прохожій остановился только съ тою цѣлью, чтобы прочесть надпись надъ воротами, которыя единственно украшаютъ кладбище, такъ какъ ни валовъ ни стѣнъ вокругъ его нѣтъ; но мнѣ бы хотѣлось, чтобы, прочтя надпись: „Кладбище самоубійцъ учащейся молодежи“, прохожій заглянулъ на него и въ головахъ не вынесшихъ жизни и простившихся съ нею, на столбѣ, на особой дощечкѣ, нашелъ написанной причину самоубійства.

Въ поискахъ за этой причиной работаютъ литераторы, ученые (самостоятельно и на сѣздахъ), дѣятели просвѣщенія, періодическая печать; но, къ сожалѣнію, все то, что высказываютъ

2007079068

эти работники, носить случайный характеръ. Сколько я ни вчитывался во все то, что писалось, и ни всматривался въ то, что предпринималось, чтобы предупредить самоубійства среди школьной молодежи, все это отличается, кромѣ случайности, неопредѣленностью, въ которой очень часто сказываются противорѣчія. По старому русскому обычаю, какъ всякій вопросъ, такъ и вопросъ о самоубійствахъ учащихся, литераторами рѣшается сплеча; каждый изъ нихъ спѣшитъ указать ту причину, которая ему кажется болѣе основательной. Ученые сознаютъ, что такое рѣшеніе шатко, и потому высказываютъ пожеланія, чтобы были изучены тѣ обстоятельства, которые привели молодое существо къ могилѣ. Отъ благихъ пожеланій, которыхъ въ каждомъ изъ насъ достаточно, чтобы вымостить адъ, и которыхъ въ насъ можетъ быть не рѣшится даже заподозрить, до осуществленія ихъ, какъ извѣстно, далеко. Пожеланія остаются пожеланіями, а число самоубійствъ между тѣмъ растетъ.

Когда я читаю или слышу о самоубійцѣ ученикѣ или ученицѣ, невольно въ моей памяти шагъ за шагомъ разворачивается картина жизни Николеньки, героя „Дѣтства“, „Отрочества“ и „Юности“; того Николеньки, который, превозмогая происходящую всю жизнь въ немъ борьбу, нашелъ въ зрѣломъ возрастѣ въ себѣ все-таки силы, зовущія его къ труду, къ жизни, несмотря на то, что постоянная неудовлетворенность влекла его къ совершенно противоположному, — воспользоваться ружьемъ, которое онъ бралъ для охоты, или перекладкиной между двумя шкапами ¹⁾. Корень такого душевнаго состоянія, поистинѣ трагическаго, мы должны искать еще въ младенческихъ годахъ жизни Николеньки и первыя проявленія у него желанія покончить съ собою — тамъ же.

Солнцемъ, согрѣвающимъ и освѣщающимъ первые дѣтскіе годы Николеньки, была его мать. Въ воспоминаніяхъ о ея ласкѣ, участіи онъ не только въ дѣтствѣ, но и въ послѣдующіе годы, даже и въ зрѣломъ возрастѣ, находилъ отраду, успокоеніе. Эти воспоминанія дали возможность ему всего лишь разъ въ жизни въ восхищеніи воскликнуть: „счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства!“

— „Мама говоритъ съ кѣмъ-нибудь, — передаетъ Николенька, — и звуки голоса ея такъ сладки, такъ пріятны. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу!.. Чувствуешь, бывало,

¹⁾ Исповѣдь.

впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко-крѣпко прижмешь ее къ губамъ... Мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мама, какъ я тебя люблю!..“

Отъ сколькихъ бурь житейскихъ и несчастій сохранила эта любовь Николеньку, извѣстно только ему самому; но сколько невзгодъ и страданій также предупредила бы эта материнская любовь въ его жизни, если бы самой матери, хотя бы во время ея краткаго существованія, наперекоръ обычаю того времени, было предоставлено право удѣлить немного больше времени заботамъ о своемъ дитяти?!...

Большую часть дня, почти цѣлый день, Николенька можетъ только мечтать о своей любимой мамѣ. Онъ сидитъ въ „ненавистой“ для него классной комнатѣ. Карлъ Ивановичъ, учитель, поправляетъ листъ съ диктовкой. Николенька смотритъ въ сторону и видитъ на террасѣ „черную головку матушки“ и слышитъ оттуда „говоръ и смѣхъ“. Станетъ ему досадно, что онъ не можетъ тамъ быть, и думаетъ: „когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю?..“

Николенькѣ желательно было материнское попеченіе, но онъ всѣмъ укладомъ жизни былъ удаленъ отъ него. Его поднимаетъ съ постели, какъ бы невзначай, „хлопушкой“ Карлъ Ивановичъ; большую часть дня онъ проводитъ съ нимъ и или зубрить и отвѣчаетъ то, что совершенно ему неинтересно, и что интереснымъ не можетъ сдѣлать для него, по своей неразвитости, Карлъ Ивановичъ, или пишетъ диктантъ и слушаетъ, какъ сердится на него за погрѣшности тотъ же учитель, или стоитъ до боли въ спинѣ и ногахъ на колѣняхъ.

Какъ все это рѣзко отличается отъ того, что Николенька видѣлъ отъ своей матери!.. Нѣжная, ласкающая ея рука, которую такъ пріятно чувствовать на себѣ даже во снѣ, и „хлопушка“ Карла Ивановича, которая такъ грубо разрушаетъ сновидѣнія, можетъ быть даже сновидѣнія, въ которыхъ центральной фигурой

является любимая мать; нѣжный взглядъ матери, ея пріятный голосъ, и суровый взоръ Карла Ивановича, его частое ворчаніе и даже наказанія.

Все то, что получалъ отъ Карла Ивановича Николенька, а все это—какъ похоже было на „хлопушку“, не могло нравиться ему, а разъ не нравилось, то поселяло въ его чуткой, воспріимчивой душѣ недовольство. Это недовольство побуждало его на первыхъ порахъ при первой возможности переноситься помыслами за предѣлы классной комнаты.

Послѣ урочныхъ часовъ Николенька проводитъ время въ обществѣ того же Карла Ивановича, который былъ теперь уже нѣсколько добрѣе, въ обществѣ гувернантки Мими, отъ которой кромѣ упрековъ онъ ничего не слышалъ, которая, по его словамъ, была причиной всѣхъ его несчастій, брата Володи, съ которымъ онъ имѣлъ мало общаго, дѣвочекъ — сестры Любочки и Катеньки, дочери Мими, няни Наталіи Савишны, которыя способны были расположить его къ чувствительности, и лакея Николая, отъ котораго онъ усвоилъ изреченіе „перемелется — мука будетъ“, такъ много разъ, по его сознанію, спасавшее его въ жизни.

Среди этихъ лицъ, окружавшихъ Николеньку, мы не видимъ отца, вліянію котораго въ дѣлѣ воспитанія дѣтей принято отводить большое значеніе. Но отецъ пренебрегъ тѣмъ долгомъ, который лежалъ на немъ, и занялся посторонними дѣлами. Въ представленіяхъ объ отцѣ Николенька считаетъ себя не роднымъ, а пріемнымъ его сыномъ.

Заурядная натура съ средними задатками постепенно сживается съ тѣми условіями, въ которыхъ приходится развиваться, и чувствуетъ съ теченіемъ времени себя удовлетворенной. Но не такая натура была у Николеньки. Его не удовлетворяло все окружающее, какъ лица, за исключеніемъ матери, такъ и тѣ безсвязныя отдѣльныя впечатлѣнія (ученье, охота, вечеринки и т. п.), которыя ложились тяжелымъ камнемъ на душу, нисколько не освѣжая ее, а дѣлая все болѣе и болѣе грубой.

И вотъ, настала для Николеньки роковая минута: онъ теряетъ мать. Закатилось для него солнце, своими лучами согревавшее его; померкла для него звѣзда, хотя издали руководившая имъ. Николенька стоитъ у гроба своей матери, смотритъ на нее и... не понимаетъ всего ужаса постигшаго его горя. Гдѣ же

причина этого непониманія? Ученіе Карла Ивановича, среда, впечатлѣнія, но не самое несчастье, потеря матери, лишили къ этому времени въ значительной степени воспріимчивости душу ребенка, сдѣлали его сердце черствымъ. Самъ Николенька сознаеть, что онъ у гроба матери ведетъ себя не такъ, какъ слѣдовало бы дитяти, любящему свою мать, и потому считаетъ необходимымъ хотя притворно всплакнуть, чтобы не показаться людямъ безчувственнымъ, и съ этою цѣлью онъ крестится, кланяется и плачетъ. — „Печаль моя, — сознается онъ, — была неискренна и неестественна...“

— „Со смертью матери, — говоритъ Николенька, — окончилась для меня счастливая пора дѣтства и началась новая эпоха — эпоха отрочества“. Смерть матери, несмотря на то, что Николенька отнесся къ ней въ душѣ холодно, дала сильный толчекъ его сознанію. Пробудившееся сознаніе освѣтило ему ту пошлость, которая достаточно глубоко пустила въ немъ свои корни. Николенька призадумался надъ зломъ, но у него, дитяти, едва начинавшаго отроческій періодъ жизни, не было ни умѣнія ни силъ, чтобы пресѣчь его, а помочь ему это сдѣлать было некому.

Скоро наступило время, когда родители считаютъ необходимымъ заняться болѣе серьезно обученіемъ дѣтей, и отецъ отвезъ Николеньку къ бабушкѣ въ Москву. Продолжительное путешествіе „на долгихъ“ произвело на него освѣжающее вліяніе. Въмѣсто знакомыхъ мѣстъ, окружавшихъ его родной домъ, передъ нимъ раскинулись огромныя пространства съ своеобразной жизнью. У Николеньки подъ свѣжими впечатлѣніями возникъ цѣлый рой вопросовъ, раньше совершенно неизвѣстныхъ ему.

Кажется, въ эти минуты только слѣдовало бы поддержать ребенка, помочь ему разобраться во всемъ, что стало интересовать его; природа, и ранѣе интересовавшая его, заинтересовавшая еще болѣе теперь, освѣжила бы его сердце; но... и по пріѣздѣ въ Москву не нашлось человѣка, который бы помогъ ему. Все тотъ же Карлъ Ивановичъ со своими пріемами, способными убить живое существо, какъ онъ убивалъ муху, а не пробудить въ немъ стремленіе къ жизни; все тѣ же отрывочныя впечатлѣнія, не дающія ровно никакого матеріала для правильнаго развитія.

Случайное обстоятельство съ дробью послужило въ скоромъ времени причиной, что Карлъ Ивановичъ былъ изгнанъ изъ дома бабушки, и его мѣсто, по рекомендаціи послѣдней, занялъ воспитатель-французъ. Если Карлъ Ивановичъ своими приемами воспитанія и обученія мучилъ Николеньку, то явившійся на его смѣну французъ, человѣкъ съ безукоризненными манерами, сталъ пытаться его. То же скучное зубреніе, тѣ же диктанты, тѣ же наказанія; но Карлъ Ивановичъ обыкновенно въ часы обученія ворчалъ, у новаго же воспитателя ко всему стала примѣшиваться замѣтная къ своему ученику злоба. Французъ-воспитатель сталъ наказывать его, чего не дѣлалъ Карлъ Ивановичъ, еще частымъ и долгимъ сидѣніемъ въ карцерѣ. Карцеръ явился въ жизни Николеньки новымъ значительнымъ толчкомъ въ дальнѣйшемъ его развитіи.

Предоставленный самому себѣ, окруженный въ тѣсной комнатѣ мракомъ и четырьмя стѣнами, Николенька переносится въ своихъ мечтахъ теперь не на террасу, гдѣ онъ видѣлъ раньше „головку матушки“, а въ область, невѣдомаго доселѣ ему, отвлеченнаго міра. Его думы заняты то величіемъ человѣка, и ему уже кажется, что онъ „генералъ“, что онъ разговариваетъ съ самимъ государемъ и слышитъ отъ него благодарность, то ничтожествомъ человѣка, лишь только послышится гдѣ-нибудь стукъ, шорохъ, въ которомъ ему представляются шаги француза, идущаго къ нему съ розгами. Въ карцерѣ онъ уже не тотъ милый ребенокъ, который, завернувшись въ „халатецъ“, горячо молится Богу о здоровьи папеньки и маменьки, о томъ, чтобы завтра была погода, а озлобленное существо, дерзновенно вопрошающее Бога: „за что онъ наказываетъ меня? я, кажется, не забывалъ молиться утромъ и вечеромъ, такъ за что же я страдаю?!..“

Недовольство всѣмъ окружающимъ, а также — сверстниками и сверстницами, въ средѣ которыхъ Николенька искалъ любви и участія, но среди которыхъ онъ чувствовалъ себя даже во время игръ лишнимъ; недовольство учителемъ исторіи, который съ „злодѣйской полуулыбкой“ обратился къ нему за отвѣтомъ и который послѣ трехъ минутъ молчанія, въ теченіе которыхъ онъ вопросительно смотрѣлъ на него, поставилъ въ графѣ красиво начерченную единицу и точку, другимъ движеніемъ за поведеніе — другую единицу и точку; который, не смотря на мольбу, въ которой выражалось отчаяніе, сухо оборвалъ

и вышелъ; а наиболѣе — недовольство, граничившее съ отвращеніемъ, съ которымъ Николенька могъ только отнестись къ своему воспитателю-французу, послужило удобной почвой, на которой быстро развивалась въ немъ ненависть, заглушавшая все свѣтлое, заложенное въ его природу, вскормленное недолгимъ попеченіемъ матери, ненависть, ломавшая его маленькую способность къ самоопредѣленію, лишавшая его возможности ориентироваться во всемъ происходившемъ.

И вотъ въ одну изъ минутъ приступа ненависти, когда ее разожгла въ злобу явившаяся неожиданно фигура француза, Николенька „спустился внизъ и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, побѣжалъ по большой лѣстницѣ, ведущей на улицу“.

— „Хотѣлъ ли я убѣжать совсѣмъ изъ дома или утопиться, — говоритъ онъ, — не помню; знаю только, что, закрывъ лицо руками, чтобы не видать никого, я бѣжалъ все дальше и дальше по лѣстницѣ“.

Вотъ первый порывъ отчаянія Николеньки, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета, который едва-едва не завершился катастрофой. По странному, и даже болѣе того, смѣшному стеченію обстоятельствъ, окрикъ отца: „ты куда?“ и преграда, поставленная имъ тѣмъ, что онъ схватилъ бѣглеца за руку, остановили его. Отецъ, который въ жизни Николеньки не посвятилъ ему ни одной минуты, по ироніи судьбы, въ трагическую минуту явился его спасителемъ, но спасителемъ своеобразнымъ, тѣмъ же черствымъ, какимъ зналъ его Николенька прежде; отецъ, приведя его въ маленькую диванную, схватилъ его за ухо и сталъ трясти.

— „Я, — говоритъ Николенька, — ощущалъ сильнѣйшую боль въ ухѣ, (но) я не плакалъ, а испытывалъ пріятное моральное чувство¹⁾. Только что папа выпустилъ мое ухо, я схватилъ его руку и со слезами принялся покрывать ее поцѣлуями“.

— „Бей меня еще, — говорилъ я сквозь слезы, — крѣпче, больнѣе, я негодный, я гадкій, я несчастный человѣкъ!“

— „Что съ тобой?“ — сказалъ онъ, слегка отталкивая меня.

— „Нѣтъ, ни за что не пойду“, — сказалъ я, цѣпляясь за его сюртукъ. — „Всѣ ненавидятъ меня, я это знаю, но ради

¹⁾ Николенька незадолго предъ этимъ сломалъ ключъ отъ портфеля папа, за что послѣдній и наказалъ его теперь.

Бога ты выслушай меня, защити меня или выгони изъ дома. Я не могу съ нимъ жить, онъ ¹⁾ всячески старается унижить меня, велить становиться на колѣни передъ собою, хочетъ высѣчь меня. Я не могу этого, я не маленькій, я не перенесу этого, я умру, убью себя. Онъ сказалъ бабушкѣ, что я негодный, она теперь больна, она умретъ отъ меня, я ... съ ... нимъ ... ради Бога ... высѣки ... за ... что ... мучать ...

Слезы душили меня, я сѣлъ на диванъ и, не въ силахъ говорить болѣе, упалъ головой ему на колѣни, рыдая такъ, что мнѣ казалось, я долженъ былъ умереть въ ту же минуту“.

Благодатныя слезы облегчили изстрадавшуюся душу ребенка, въ нихъ нашелъ онъ исходъ первому порыву отчаянія, и онъ послѣ „двѣнадцатичасоваго сна“ чувствовалъ себя здоровымъ.

Гдѣ послѣ всего пережитаго, послѣ карцера, Николенька ищетъ впечатлѣній, которыя дали бы ему хотя какой-нибудь матеріалъ для дальнѣйшаго существованія? Николенькѣ въ этомъ трудно даже сознаться, и онъ предупредительно извиняется передъ читателемъ. Сколько душевной боли, тоски и стыда вложено имъ въ слѣдующія слова, которыми онъ старается хотя сколько-нибудь оправдать себя:

— „Не гнушайтесь, читатель, обществомъ, въ которое я ввожу васъ. Ежели въ душѣ вашей не ослабли струны любви и участія, то въ дѣвичьей найдутся звуки, на которые онъ отозвутся. Угодно ли вамъ, или не угодно будетъ слѣдовать за мной, я отправляюсь на площадку лѣстницы, съ которой мнѣ видно все, что происходитъ въ дѣвичьей...“

Отвлеченныя думы Николеньки въ карцерѣ не могли удовлетворить его. Николенька — живое существо, жаждущее „любви и участія“. И вотъ онъ за этой любовью, участіемъ изъ карцера пробирается къ дѣвичьей. Угодно ли это ему, читатель?.. Нѣтъ; но туда толкаетъ его печально сложившаяся вся прошлая жизнь, и остановить онъ себя изломанный, изстрадавшійся не можетъ.

Но какъ ни странно, и въ этой чрезвычайно узкой сферѣ наблюдений, „въ дѣвичьей“, душа Николеньки нашла здоровую пищу. Здѣсь впервые зародилась у него мысль о самопожертвованіи.

1) Французъ-воспитатель.

Если наряду съ дѣвичьей мы остановимъ свое вниманіе на томъ, что интересовало Николеньку въ отроческіе годы изъ міра отвлеченнаго и что побуждало его спастись въ дѣвичью, то увидимъ, что вопросы „о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души“, попытка уяснить ихъ, не покидаютъ его; мысли о стоицизмѣ, эпикуреизмѣ, скептицизмѣ, которыя онъ созналъ въ своей душѣ „прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій“, особенно — скептицизмъ, доводятъ его „до состоянія близкаго къ сумасшествію“.

Сознаніе въ это время у Николеньки работаетъ очень сильно. — „Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ, — говоритъ онъ, — до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашиваю себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ...“

Кому же непонятно, что эта усиленная преждевременная работа сознанія плодъ всего того, что долженъ былъ пережить Николенька; но одиночество и карцеръ сыграли здѣсь наибольшую роль¹⁾.

Что же дала Николенькѣ эта усиленная преждевременная работа?

— „Изъ всего этого тяжелаго труда, — говоритъ онъ, — я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка“.

Въ послѣдніе годы отроческой жизни Николеньки, которую онъ называетъ „пустынею“, встрѣча съ Нехлюдовымъ и знакомство съ его взглядами, сущность которыхъ составляли „восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться“, были благодатной росой, освѣжившей его. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ въ душѣ его зарождается голосъ раскаянія и страстное желаніе совершенства. Ему кажется, что нѣтъ ничего легче и естественнѣе,

¹⁾ Николенька въ послѣдующей жизни часто жаловался, что преждевременная усиленная работа сознанія была причиной путаницы у него понятій.

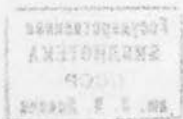
какъ „оторваться отъ всего прошедшаго, передѣлать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всѣми ея отношеніями совершенно снова“.

Николенька подѣ влияніемъ убѣжденія, что чрезвычайно легко повернуть жизнь свою къ лучшему, не спѣшитъ принятьсь за работу надъ собою; но чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе замѣчаетъ онъ, что ему, напр., трудно удержать то настроеніе въ себѣ, которое желательно было бы ему сохранить на всю жизнь; что достаточно бываетъ самой незначительной причины, чтобы его доброе расположеніе разсѣялось, какъ дымъ. Послѣ исповѣди онъ находитъ свое платье не перешитымъ; это до такой степени разозлило его, что онъ забылъ всѣ данныя предъ исповѣдью обѣщанія и нагрѣшилъ еще болѣе. Онъ видитъ также, что то, что кажется ему въ немъ хорошимъ, совершенно въ иномъ видѣ представляется другимъ. Разказавъ извозчику по пути изъ монастыря послѣ второй исповѣди о томъ, съ какою цѣлью онъ ѣздитъ въ монастырь, и думая, что извозчикъ о немъ теперь самага лучшаго мнѣнія, онъ слышитъ отъ него: „баринъ, ваше дѣло господское!“ — „Онъ меня не понялъ“, — старается убѣдить себя Николенька. Онъ замѣчаетъ также, что не въ состояніи онъ, сдѣлавшись студентомъ, осуществить своей давнишней мечты, — отказаться отъ собственныхъ дрожекъ и не пользоваться человѣкомъ, какъ прислугою.

Эти явленія жизни Николеньки мало-по-малу раскрываютъ ему глаза на то, что ему предстоитъ тяжелая борьба съ самимъ собою, и что силъ для этой борьбы въ немъ нѣтъ. Въ минуты сознанія своего безсилія онъ, втянутый званіемъ студента въ новыя связи и отношенія, нисколько не подготовленный всѣмъ прошлымъ къ той полной свободѣ, которая сразу ему была предоставлена со дня поступленія въ университетъ, стремится заглушить свое острое горе виномъ, разгуломъ и картами.

Съ этого момента жизни Николеньки открываются широкіе горизонты для освѣщенія всего послѣдующаго, вплоть до послѣдняго его бѣгства, но это выходитъ уже за предѣлы поставленной въ заглавіи мною задачи.

Если мы теперь оглянемся на прошлую жизнь Николеньки, то увидимъ, что, будучи ребенкомъ, онъ жилъ любовью и попеченіемъ своей матери; когда же онъ сдѣлался ученикомъ, его заперли въ ненавистную классную, разъединили съ матерью и побудили,

за отсутствіемъ въ классной содержательнаго, интереснаго, обратиться къ мечтѣ; зубреніе, наказанія, среда портили мальчика, и онъ у гроба матери не понимаетъ ужаса своей потери. Поѣздка въ Москву оживила Николеньку, но Карлъ Ивановичъ не могъ поддержать въ немъ интереса къ возникшимъ вопросамъ, а постепенно убивалъ его; преемникъ Карла Ивановича постарался сузить открывшійся Николенькѣ во время путешествія новый міръ до размѣровъ карцера; въ послѣднемъ мечтѣ ребенка получила особенно сильное развитіе, карцеръ же развилъ въ немъ и робость. Недовольство, давнымъ-давно поселившееся въ мальчика, мало-по-малу перешло въ ненависть ко всему окружающему, а ненависть съ теченіемъ времени развилась въ злобу; потеря самообладанія въ послѣдней была первой безсознательной попыткой прекратить тяжело и некрасиво складывавшуюся жизнь. Дальнѣйшая жизнь, протекавшая то въ классной, то въ карцерѣ, побудила Николеньку заняться разрѣшеніемъ отвлеченныхъ вопросовъ, и неудавшаяся попытка, едва не закончившаяся сумасшествіемъ, толкнула его за любовью и участіемъ „въ дѣвичью“. Встрѣча съ Нехлюдовымъ Николеньки оживила его и поселила въ немъ желаніе совершенствоваться; сознанный имъ съ теченіемъ времени тяжелая борьба самоусовершенствованія въ минуты безсилія привела его подъ вліяніемъ новыхъ встрѣчъ и знакомствъ къ вину, разгулу и картамъ; каждый изъ этихъ поводовъ, равно какъ и недовольство, ненависть, злоба, близость къ сумасшествію, сознаніе безсилія и др., какъ сами по себѣ, такъ и своими послѣдствіями, нерѣдко обращали мысль Николеньки въ послѣдующее время къ ружью и перекладинѣ.

Своею исповѣдью Николенька произнесъ справедливый приговоръ надъ тою средою и тѣми условіями, въ которыхъ ему приходилось жить и развиваться. Онъ этою исповѣдью написалъ на доскѣ у изголовья ушедшихъ отъ жизни самоубійцъ изъ учащейся молодежи, перенесшихъ въ большей или меньшей мѣрѣ то, что пережилъ онъ самъ, что виною ихъ преждевременной смерти было воспитаніе. Если самому Николенькѣ удалось избѣжать этой преждевременной смерти, то спасло его счастливое стеченіе обстоятельствъ, а также его богато одаренная натура, въ которой онъ находилъ силы для дальнѣйшаго существованія.

Николенька въ ненавистномъ для него воспитаніи, причинившемъ ему столько горя, изломавшемъ его, винить прежде

всего воспитателя-учителя; и Николенька правъ. При современныхъ и прошлыхъ условіяхъ русской жизни дитя школьнаго возраста большую часть дня, самую продуктивную относительно работы, проводить съ учителемъ; отъ него зависеть многое въ дальнѣйшей жизни дитяти: онъ можетъ вложить въ него задатки несокрушимыхъ силъ въ будущемъ, но онъ можетъ воспитательными приемами Карла Ивановича и француза, а также и другими подобными, изломать его и предрасположить къ бѣдѣ. Остановившись по преимуществу на учителѣ и воздавъ ему должное, Николенька не забылъ сказать свое правдивое слово и о близкихъ ему лицахъ.

То, что сказалъ Левъ Николаевичъ въ „Дѣтствѣ“, „Отрочествѣ“ и „Юности“ о воспитаніи, какъ причинѣ школьныхъ самоубійствъ, не сказалъ ни одинъ ученый, ни одинъ съѣздъ дѣятелей, посвященный борьбѣ съ дѣтской преступностью. Но Левъ Николаевичъ указалъ тамъ не только причину самоубійствъ среди школьной молодежи, онъ также развилъ цѣлую стройную систему поводовъ, которые или сами по себѣ или своими послѣдствіями могутъ повлечь за собою несчастіе. Вся современная литература о дѣтскихъ самоубійствахъ, сравнительно съ глубокимъ освѣщеніемъ Льва Николаевича, имѣетъ мало цѣны и значенія, такъ какъ она занимается по преимуществу статистикой самоубійствъ и указаніемъ послѣдняго повода къ нимъ. Если мы примемъ во вниманіе, что послѣдній поводъ къ самоубійству у учащейся молодежи это капля, переполнившая мѣру терпѣнія, что эта капля можетъ быть иногда совершенно случайной и незначительной, то указаніе въ литературѣ послѣдняго повода къ самоубійству можетъ удовлетворить въ большинствѣ случаевъ только праздное любопытство. Левъ Николаевичъ сталъ давнымъ-давно выше всякой статистики; на эту же высоту, чтобы видѣть все происходящее, чтобы сознать зло въ всемъ его объемѣ, нужно подняться и періодической печати, и ученымъ, и, особенно, дѣятелямъ просвѣщенія, чтобы путемъ дѣйствительныхъ мѣръ, продуктивной работы создать новыя условія для человѣческаго существованія, въ которыхъ жизнь человѣческая не глхла бы и безвременно умирала, а развивалась, совершенствовалась и цвѣла. Но, мнѣ кажется, что современному поколѣнію дѣятелей, носящему въ себѣ задатки прошлаго воспитанія, не подъ силу будетъ эта работа, если бы даже они и прозрѣли дѣйствительность; имъ не вывести будетъ, очевидно, молодежь

на новую дорогу, не вырыть имъ также, вѣроятно, ровъ и не возвести стѣнъ, чтобы навсегда положить предѣлъ расширенію кладбища самоубійцъ учащейся молодежи; побѣгутъ они съ поля работы, какъ бѣжалъ Левъ Николаевичъ, или спрячутся въ свой футляръ, чтобы жить въ немъ переживаніями прошлаго, чтобы находить въ немъ также матеріалъ для воздѣйствія на другихъ.

Указанную Львомъ Николаевичемъ причину самоубійствъ среди школьной молодежи будутъ жестоко оспаривать всѣ тѣ лица, а такихъ немало, которыя видятъ единственный поводъ къ этимъ самоубійствамъ въ переживаемомъ нами переходномъ моментѣ или, какъ принято выражаться у насъ, въ тяжелыхъ условіяхъ нашего политическаго существованія. Но едва ли эти лица будутъ и предъ Львомъ Николаевичемъ и вообще правы. Левъ Николаевичъ вѣрилъ, и это подтвердилъ онъ своею жизнью, которая неоднократно ставила ему предлоги и искушенія насильно прекратить ее, что никакая сила не въ состояніи сломить свѣтлой вѣры человѣка въ будущее, какой бы жестокой и затаянный характеръ она ни имѣла. Цусима погубила наши корабли, не потому что они моментомъ политическихъ переживаній того времени были испорчены, это — абсурдъ, а потому что они были подготовлены къ гибели долгимъ прошлымъ своимъ существованіемъ; такъ и настоящія событія могутъ сломить уже надломленную, изношенную въ прошломъ, даже въ предшествующихъ поколѣніяхъ, безъ вѣры и энтузіазма глядящую впередъ дряблую, хотя и молодую по лѣтамъ, силу. Переживаемыя событія не такъ послужили поводомъ къ самоубійствамъ учащейся молодежи, какъ обнаружили то, къ чему годенъ человѣкъ съ прошлымъ воспитаніемъ, чѣмъ кажется ему жизненная борьба, отъ которой онъ такъ поспѣшно старается уйти.

Дряблость современнаго молодого поколѣнія въ настоящее время замѣчена общественными и государственными дѣятелями разныхъ профессій; всѣ они стараются притти на помощь молодежи. Но почему ихъ иногда искреннія старанія о физическомъ развитіи подростающаго поколѣнія, даже въ формѣ правильныхъ гимнастическихъ занятій, встрѣчаютъ презрительную улыбку и критику не только профановъ, но и солидныхъ ученыхъ мужей? Причина этому ясна: не разъ старались уже привить у насъ физическое воспитаніе; (на моей памяти въ одномъ училищѣ три раза уже вырывали и снова вкапывали шесты

и лѣстницы для упражненій); напрасной будетъ попытка насадить физическое воспитаніе и теперь; только здоровый духомъ человѣкъ можетъ осмыслить изреченіе — „въ здоровомъ тѣлѣ — здоровый духъ“; человѣку же больному духомъ нужно такое же и тѣло, для полноты, для гармоніи, и не старайтесь заставить понять его, что для его больного духа нужно здоровое тѣло. — „Для чего мнѣ нужно это здоровое тѣло?“ — съ презрѣніемъ спроситъ онъ васъ: „для того, чтобы оно вѣрно передавало мнѣ все то, что совершается кругомъ; чтобы я еще сильнѣе почувствовалъ тяжелую сторону дѣйствительности?!..“ Если же онъ и не скажетъ вамъ этого, и вамъ удастся увлечь его новизною занятія, то лишь только пройдетъ это увлеченіе, онъ броситъ его и зло посмѣется надъ нимъ, надъ вами и надъ собою.

Дайте воспрянуть къ жизни духу, воспрянетъ тогда за нимъ и тѣло; тогда къ физическому развитію не нужно будетъ при-
нуждать, а мы будемъ чувствовать въ немъ необходимость.

Заканчивая свои соображенія по затронутому вопросу, я долженъ еще разъ возвратиться къ учителю, какъ главному виновнику плохого воспитанія, чтобы устранить возраженія, что учитель только въ воспитаніи Николеньки занялъ первое мѣсто, а что въ остальныхъ случаяхъ его фигура отодвигается на задній планъ. Я остановлюсь для этого, признавая вообще великое значеніе всякаго учителя въ жизни ученика и въ послѣдующемъ его развитіи, исключительно на учителѣ русскаго языка и литературы, какъ на томъ лицѣ, которое въ состояніи принести, какъ наибольшую пользу, такъ и вредъ ученику.

Чувство справедливости побуждаетъ сказать, что „старшіе“, которымъ надлежитъ знать о томъ, что дѣлаютъ „младшіе“, недалеко ушли впередъ сравнительно съ послѣдними. Давнымъ-давно уже издано ими распоряженіе, чтобы программа по русской литературѣ въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній была пополнена нѣкоторыми произведеніями изъ нѣкоторыхъ писателей новаго періода. Но это распоряженіе еще и до настоящаго времени не введено въ программу. Предупредительность ли старшихъ къ младшимъ послужила причиной этой медлительности или боязнь поставить младшихъ въ затруднительное положеніе предъ ученикомъ, сказать трудно. Только и теперь еще Онѣгинъ и Татьяна считаются у современныхъ

педагоговъ лучшими темами для выпускныхъ работъ и излюбленнымъ предметомъ разговоровъ ихъ между собою. Скромность Татьяны стараются они въдрить и въ духовные запросы своихъ ученицъ и учениковъ.

Большинство учителей, игнорируя не приведенное въ исполненіе распоряженіе высшаго начальства, въ свое оправданіе, по поводу чрезвычайно узкой программы по родной литературѣ, ссылается на то, что большаго въ средней школѣ и сдѣлать нельзя, какъ пережевывать, дескать, то, что и мы на ученической скамьѣ жевали. Но вѣдь они успѣваютъ выучивать наизусть со своими учениками этимологию¹⁾, синтаксисъ, нѣсколько разъ въ году перечитываютъ однѣ и тѣ же статьи изъ скучной хрестоматіи, давая поводъ этимъ невнимательности учениковъ, вызывая ихъ на шалости. Сколько, подумаешь, горя можно было бы устранить изъ жизни ученика и учителя, если бы все это было нѣсколько иначе, нѣсколько разумнѣе. Сколько пользы можно было бы принести ученику, если бы учитель въ живой, увлекательной формѣ сообщалъ ему дѣйствительно необходимыя свѣдѣнія и давалъ возможность провѣрить ихъ на великихъ образцахъ отечественной литературы, а не кормилъ бы его отвратительной мертвечиной, способной убить его духъ.

Незначительное меньшинство учителей способно даже сознаться, что больше того, что они получили на скамьѣ въ школѣ, они преподавать своимъ ученикамъ не могутъ, что пополнить свои скудные свѣдѣнія имъ положительно некогда. Они искренно пока мечтаютъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда получаютъ высшіе оклады, когда войдутъ въ силу новые штаты, когда будетъ у нихъ досугъ для самообразованія. Но и этому маленькому идеализму ихъ суждено скоро вывѣтриться, особенно при теперешнемъ отношеніи старшихъ къ младшему, когда послѣднему приходится иногда страдать за то, что онъ поставилъ себя внѣ того зла, которое такъ жестоко разъѣдаетъ всю нашу родину. Придутъ и новые штаты, но это меньшинство учителей увидитъ въ нихъ справедливую оцѣнку своего труда на нивѣ просвѣщенія.

¹⁾ Нѣкоторые доходятъ въ этомъ отношеніи до виртуозности, заставляя учениковъ выучивать наизусть на каждое правило слова, позаимствованныя изъ 4 т. объемистаго словаря Даля (см. Этимологию русскаго языка г. Дадыкина).

Есть и еще группа учителей, велика ли она или незначительна—не знаю. Они почти ничѣмъ не отличаются отъ большинства, какъ только тѣмъ, что въ концѣ учебнаго года въ выпускномъ классѣ они непременно стараются познакомить своихъ учениковъ „за недостаткомъ времени“ хотя съ женскими типами Тургенева, и это считаютъ благословленіемъ на студенческую скамью...

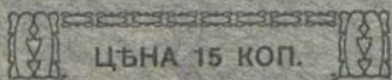
Такъ и катится, за малыми, малыми исключеніями, жизнь нашей средней школы, и выходятъ изъ нея питомцы, по мнѣнію педагоговъ, „умудренные прошлымъ“, но на самомъ дѣлѣ съ отращиваніемъ къ прошлому и будущему. Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, проглоченные иногда въ нѣсколько уроковъ, непоняты ими, а все остальное для нихъ закрыто темной завѣсой. Неизвѣстна имъ „исповѣдь (своего) народа, его природа, его душа и быть родной“¹⁾, не могутъ ихъ увлечь невѣдомые имъ „понятій нити, мыслей ткани и чувства свѣжіе цвѣты...“²⁾ — „Стоить ли жить въ непроглядной тьмѣ прошлаго?..“ — задается вопросомъ юноша. — „Нѣтъ; не стоитъ!..“ и достаточно бываетъ малѣйшаго повода, чтобы это „не стоитъ“ было приведено въ исполненіе³⁾.

2715
1923.

¹⁾ Князь Вяземскій.

²⁾ А. Мицкевичъ.

³⁾ Лицъ, интересующихся вопросомъ о школьныхъ самоубійствахъ, прошу высказать свои соображенія и подѣлиться со мною наблюденіями надъ жертвами воспитанія (адресъ на обложкѣ).

АДРЕСЪ АВТОРА: Г. ЛОДЗЬ, НАВРОТЪ, № 38.

Handwritten signature or initials in the bottom right corner.

2007079068